

Библиотека

КОНАН ПАЛСЕНДА АЕМУРДИЙ

Annotation

Конан, состоящий в отряде Ночной Стражи, участвует в расследовании трёх необычных убийств, совершённых в течение ночи в бритунийском городе Райдоре.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 2004, том 94 «Конан и Легенда Лемурий»
Керк Монро. Ночная Тигрица (повесть), стр. 235-291

- [Керк Монро](#)

◦

Керк Монро

Ночная тигрица

Герцогство Райдор, лето 1285 года по основанию Аквилонии.

Если вы наивно полагаете, что в таком невероятном захолустье как Полуночная Бритуния не случается неприятностей, то глубоко заблуждаетесь. Конечно, столица Райдорского герцогства выгодно отличается от таких крупных городов как Пайрогия и, тем более, Бельверус – смертоубийств почти не случается, редких разбойников исправно ловит дорожная стража, да и разбойники-то в основном заезжие, но никак не местные. Маленькие города тем и хороши, что все тут друг друга знают, любой чужак всегда на виду, а патриархальные нравы отдаленной провинции не позволяют подданным его светлости герцога нарушать установленные богами и людьми законы.

Но сегодняшнее происшествие было, скажем прямо, из ряда вон... Ни о чем подобном не слышал даже многоопытный сотник «городской гвардии» – отряда обленившихся стражников, чьи обязанности ограничивались поддержанием порядка на рынках да растаскиванием пьяных драк в многочисленных тавернах.

Заметим, что в Райдоре не было даже тюрьмы – особо злостных нарушителей благочиния для острастки либо сажали дней на тридцать в подвалы герцогского замка, либо отвозили в Пайрогию, где самые отъявленные буяны представляли перед королевским судом. Самым же страшным наказанием для особо провинившихся полагалась вовсе не смертная казнь, а ссылка на каторжные серебряные рудники в Граскаале – живым оттуда преступнику не выйти, а герцог Райдорский от каторжников прощения о помиловании не принимал: если уж сосланы, значит заслужили...

Сотника Хольма затошило немедленно по прибытии на место событий, пускай он за тридцать лет деятельности на поприще Охранения благочиния не один десяток собак съел. Всякое повидал – и детоубийства, и насилия, своими руками попавшуюся на горячем шайку Торвальда Лысого в живописнейшем порядке на придорожных дубах развесил. Да и вообще, господин сотник полагал себя человеком крепким на желудок – чай в трех войнах участвовал и нежной девицей себя полагать не мог совершенно. Однако же пришлось сотнику вернуть завтрак природе. Над Хольмом никто из стражей не засмеялся – и чревато, и радоваться тут абсолютно нечему.

Кого хочешь при таком зрелище затошнит, будь ты стократ привычным к крови. Вон, у всех городских гвардейцев бледность с прозеленью на лицах усатых проступила, будто все как один жутчайшим похмельем маются. Лучше бы уж похмелье, право слово, хоть рассольчиком да пивом полечиться можно. От того, что лежало сейчас под ногами месьора Хольма такими средствами не излечишься. И надо всех богов молить, чтобы ночами потом кошмары не мучили.

– В замок человека отправить догадались? – выдавил Хольм, отплевавшись. – Тут, похоже дело не для нашего ума – господина Охранителя короны надо в известность ставить, пусть лучше он разбирается.

– Точно так, отправили, – слабо вякнул десятник, чей караул и обнаружил кровавое непотребство. – Что ж мы, совсем чурбаны деревянные? Ясное дело: о такой жути сразу

месьора Атрога предупреждать надо...

— Хоть бы рогожкой прикрыли, — буркнул Хольм, стараясь не смотреть на то, что совсем недавно являлось человеческим телом. — Хорошо хоть разумения хватило переулок оцепить да любопытных не пускать. Но всяко слухи по городу пойдут, без этого не никак обойтись... Место осмотрели? Следы?

— Никаких следов, — помотал головой десятник. — Дождей почти седмицу не было, грязь утоптанная, застыла что твоя глина.

— Кто в соседних домах живет? — Хольм обвел взглядом высокие бревенчатые строения, окружавшие проулок, что выводил на широкий Стремянный проезд. Дом справа, дом слева, дальше — некрашеные деревянные заборы да пыльная крапива. Укромный уголок для убийцы. — Опросили хозяев?

— Опросили, — уныло ответил стражник. — Ночью никаких криков не слышали, подозрительного шума тоже. Только жена гуртовщика Вилланда, что вот в этом доме живет, за полночь, я извиняюсь, до ветру выходила... Сказала, будто за забором, в проулке, шебуршился кто-то. На собак бродячих погрешила, да обратно спать пошла.

— За полночь? — Хольм пожевал губами. — Когда «за полночь»? Ближе к рассвету? Или в самую темень?

— Не узнавал...

— Так сбегай узнай, дубина! — рявкнул сотник. — Все что можно вытряси! Впрочем нет, стой. Лучше Атрогу доложить, пускай он свидетеля оправдывает. Сами помните — все необычные дела городская гвардия в управу Охранителя короны передавать обязана.

Хольм покосился на труп и снова отвернулся, поморщившись. Спросил:

— Кто она хоть такая, выясняли? Уж больно подол юбки приметный — слишком вышивка яркая. По такой примете родных сыскать нетрудно будет.

— То-то и оно, — с готовностью закивал десятник. — Узнать кто такова, да с какого двора нетрудно было. Да и моим парням сия особа знакома. Родных нету. Гуляющая она. Из веселого заведения достойнейшей госпожи Альдерры.

— «Достойнейшей»... — передразнил десятника Хольм и сплюнул. — Значит, из вертепа девка? Вот и гляжу, что одета... была одета слишком ярко, так приличные девицы не ходят. Ничего не пойму: им же ночью работать полагается, а не по закоулкам шастать... Хозяйку уже оповестили?

— Никак нет, ваша милость. Решили начальства дожидаться.

— Вот и правильно.

А начальство — вот оно, тут как тут. Стукнули копыта лошадей, звякнули стремена. Месьор Атрог с присными явится соблагоизволил.

Увидев высокого худощавого человека спрыгнувшего с седла, сотник Хольм невольно попятился и отбил почтительнейший поклон — Охранителя короны, живую тень великого герцога Варта Райдора в городе побаивались все без исключения, и стража, и купцы, и простые обыватели, не говоря уж о никчемных людышках, наподобие рыночных воров. Человеком он был суровым, цепким и, когда надо, совершенно беспощадным — чего только стоил приказ месьора Атрога немедля сжечь дома заболевших чумой, когда случилось моровое поветрие. Больных безболезненно умертвили, строения подожгли. Жестоко скажете? Ну да, жестоко. Да только такой жестокостью Атрог остановил начинавшуюся эпидемию и не позволил городу вымереть.

— Что здесь? — господин Охранитель даже поздороваться побрезговал. Глядит

высокомерно из-под густых бровей, в черных глазах недобрый огонь мерцает – не любит месьор Атрог непорядка. – Убийство? Отчего сами дознанием не занялись? Месьор Хольм, я к тебе обращаюсь!

– Так... это... – сотник заробел: показалось, будто на тебя змея смотрит, а не человек. – Ваша милость, ведь строжайше предписано, если какой случай необычный, немедля в Охранную управу сообщать. Мы люди маленькие...

– Показывай, – кивнул Атрог.

Следом за его грозной милостью поспешили двое ликторов – такие медведи да мордовороты, что смотреть страшно, человека пальцем задавить могут, будто козявку. На мордоворотных поясах оружия столько навешано, что целой армии хватило бы. И тут же серенький неприметный человечишко в балахоне лекарской гильдии – месьор Патарен, что вроде бы числится на должности личного врачевателя герцогской фамилии, а на деле Атрогу в его многотрудном ремесле помогает.

Рогожу, коей прямо перед явлением Атрога сотоварищи убиенную девку прикрыли, сдернули, явив очам его милости пренеприятное зрелище. Над зреющим тотчас загудели жирные зеленые мухи, явившиеся урвать у смерти часть поживы.

– Впечатляет, – скрипнул лекарь, месьор Патарен.

Атрог промолчал. Сотник господину Охранителю мельком позавидовал – на точеном горбоносом лице вельможи ни единый мускул не дрогнул. А о таких пошлостях, как тошнота в случае с Атрогом и думать-то неприлично.

– Рюдегер? – Атрог, не поворачиваясь, позвал ликтора. Мордоворот почтительно вытянулся, внимая. – Мигом скачи на Волчью улицу. Я хочу посоветоваться с месьором Гвайнардом. – Кажется, прецедент и впрямь исключительный...

Умного слова «прецедент» Хольм не понял, но уяснил главное – если Охранитель короны призывает в помощь оторвиголов с Волчьей, значит, в безымянном проулке ночью потрудился не человек.

Уяснил – и вздрогнул, будто от холода.

* * *

Надо же, господа охотники изволили явится всей компанией – вчетвером. Сотник мигом узнал предводителя бесшабашной ватаги – Гвайнарда Гандерландского, человека в Райдоре славного своей безрассудной (как казалось многим) смелостью и, что точно известно, пользующегося благоволением его светлости Варта, коему Ночные Стражи не раз оказывали услуги самого деликатного свойства.

Сразу за месьором Гвайнардом шествовал темноволосый верзила с мальчишески-любопытными синими глазами – чужестранец, не так давно вошедший с маленькое сообщество охотников. Конаном, его, кажется, кличут? Родом откуда-то с Полуночного Заката, поговаривают не то из Нордхайма, не то из загорной Киммерии. Изрядный человечице – высок, косая сажень в плечах, однако рядом с ликторами Атрога все равно смотрится почти мальчишкой. Тут же и единственная девица, ходящая под водительством Гвайнарда – тьфу, срам, одевается как мужик, так еще и целых два клинка за спиной носит...

Последний выглядит сущим заморышем – лет восемнадцать, не больше. Худенький, хлипкий, глядит настороженно, будто людей побаивается. И как такая странная ватага умудряется зломерзкихочных чудищ ловить да умерщвлять? Со стороны глянуть – эти четверо и с обыкновенным медведем-то не управятся. Разве что длинный чужестранец с рогатиной на косолапого пойти может, ибо по всему видно – силен да ловок.

Хольм посторонился, пропуская новоприбывшую четверку к месьору Атрогу, следившему за лекарем, каковой пристально оглядывал тело убиенной и делал пометочки стилом на вощеной деревянной табличке. Вслушался.

– Доброго утра, месьор Атрог, – чуть даже развязно поприветствовал Охранителя Гвайнард. – Что за паника ни свет, ни заря? Рюдегер нас от завтрака оторвал – сказал, будто у вас тут неизвестным бесовством попахивает...

– Дерьмом у нас тут попахивает, – мрачно отозвался лекарь. – Натуральнейшим, почти свежим дерьмом из разорванных кишок... Взгляните, месьоры, вам будет интересно.

Хольм не сдержал улыбку, увидев как светловолосый заморыш из отряда Ночных Стражей доказал свою хлипкость – едва завидев объект стараний месьора Патарена, зажал рот ладонью и отскочил к забору, где повторил подвиг сотника – излевал утренние кушанья из уст своих. И более к телу не приближался, предпочитая стоять за спинами остальных. Гвайнард же раскрыл рот и глуповато осведомился:

– Это что такое?

– Это? – иронично фыркнул Атрог. – Это самый обыкновенный мертвый труп покойного человека, разве не заметно? Как я уже успел выяснить, означенный труп принадлежит распутной девице из дома свиданий госпожи Альдерры...

– Митра Всеблагой, – подал голос длинный, которого Конаном звать. Сказал ошарашенно: – Точно, я ж ее знаю... Хильд из Чарнины, мы с ней... э... знакомы.

– Были знакомы, – хладнокровно уточнил Охранитель спокойствия. – Отлично, следовательно мы тело уже опознали. Предварительно. Рад, что месьор Конан Канах так хорошо знаком с обитательницами единственного на весь Райдор вертепа. А теперь я попрошу вас сказать, какое существо из тех, что обычно выходят на ночную охоту, могло устроить... такое?

Месьор Патарен отошел, дабы Гвайнард и его соратники могли в полной мере насладиться художествами упомянутого Атрогом «существа».

– Я сначала предпочту выслушать многоученого врачевателя, – буркнул Гвайнард. – Вы ведь успели выяснить, что именно послужило причиной смерти?

– Успели, успели, – покивал лекарь. – Причиной смерти послужило разрывание живого человека на мелкие кусочки. Устраивает такое определение? Конечно, есть еще странная полоса на шее, будто жертву душили, но утверждать, что она сначала была задушена, а потом уже... гм... разорвана, со всей ясностью я не могу. Но согласитесь, господа, у того, кто это сделал, есть художественный вкус.

– Хватит, – прикрикнул на Патарена месьор Атрог. – Скабрезные шутки сейчас совершенно не к месту. Займитесь делом, у кого дела нет – может идти домой! Итак?

– Странные раны, – Гвайнард, не выказывая никакой брезгливости присел рядом с трупом. – Это не клыки и не когти. Но тогда что же?

– Полагаю, нечто наподобие очень тонкого и острого стилета, – заметил Патарен. – Однако, раны на груди нанесены одновременно и ран целых пять – словно пользовались одновременно пятью стилетами. Проверьте моему опыту – это невозможно. Вывод: у убийцы

на руках... лапах, были очень длинные, очень острые и очень тонкие когти, которые могут резать, подобно ножам или ланцетам, использующимся в лекарском искусстве.

Гвайнард поднялся, отряхнул от пыли полосатые асирские штаны и пожал плечами:

— Я знаю наперечет полторы сотни разновидностей как чудовищ-хищников, так и нечистой силы, но ни единая тварь, за которой по уставу гильдии должна охотиться Ночная Стража не располагает таким странным набором когтей. Нет, не могу припомнить ничего похожего. Эйнар, а ты?

«Нашел у кого спрашивать, — снисходительно подумал сотник. — У пацана сопливого, который в жизни ничего кроме мамкиной титьки и не видел».

— Подходят только жвалы болотной гронгады, — слабым голосом ответил бледный Эйнар. — Но тогда ран было бы не пять, а семь, да и откуда взяться гронгаде посреди города?

— Тут есть поблизости водоемы? — насторожился Атрог и метнул взгляд на Хольма.

Сотник развел руками:

— Ни единого, ваша милость. Только река, но она за городом.

— Чепуха, — Гвайнард отмахнулся. — Гронгада никогда не покидает воду — вытащенная на берег она подохнет через половину квадранса. И раны, нанесенные ее челюстями должны идти параллельно, а не веером, как здесь. Кроме того, какой гронгаде, существу бессмысленному, придет в голову устраивать эдакое безобразие? — предводитель охотников указал на труп. — Действовала разумная тварь... Или слишком удачно имитирующая разум.

— Демон? — коротко спросил Атрог.

— Не исключено. Только я не слышал про демонов, устраивающих из частей тела своих жертв эдакую живопись... Загадка, право. Неужели в округе никто ничего не слыхал? Судя по тому, как разделали эту несчастную, она должна была волить на всю Британию! По меньшей мере, сначала.

— Не обязательно, — отрицательно покачал головой месьор Патарен. — Возможно я ошибаюсь, но первый удар убийца нанес в утробу, под грудь — и захочешь не завопишь, поскольку крик рождается именно в утробе, а не в гортани. Можно предположить, что действовал сумасшедший — я слыхал о безумии, которое побуждает людей убивать себе подобных самым зверским образом, но эта версия совершенно не объясняет наличие таких странных ран и последующего расчленения тела.

Месьор Атрог погладил короткую жесткую бородку и сказал, глядя на то, что осталось от гулящей девицы из заведения госпожи Альдерры:

— Действительно, весьма странно. Конечности отделены от туловища, внутренние органы вынуты и разложены вокруг почти правильным квадратом. Возможно, некий магический обряд?

— Исключено, — серьезно ответил Гвайнард. — Какой маг, находясь в здравом уме, устроит черный обряд среди населенного и оживленного города, пускай даже и ночью? Может помешать стража или припозднившиеся прохожие, магия не терпит присутствия посторонних. Я бы поверил в колдовство, обнаружься тело в какой-нибудь уединенной пещере, на худой конец — в обычном доме. Но тут, посреди улицы? Не верю, хоть кол мне на голове тешите!

— Делаем первоначальные выводы, — проскрипел лекарь: — Тут развлекался не монстр, не хищник, не демон, не маг. Тогда кто? Человек? С пятью когтями-кинжалами? Причем исключительно острыми?

— А что, это мысль, — оживился Конан, который уже начинал скучать, по роже было

видно. – Аквилонские оружейники, к примеру, делают для тяжелых кавалеристов особые латные перчатки с выскакивающими лезвиями... Нет, тоже не то! Во-первых, у торговцев оружием в Райдоре таких перчаток попросту нет – я бы знал, благо постоянно по оружейным лавкам шатаюсь. Во-вторых, раны были бы вовсе не веерообразными, а прямыми. Отпадает.

– Мы проверим оружейников, – кивнул Атрог. – Можете быть свободны, господа. Пока ваши услуги не требуются. Патарен, эту... это тело надо немедленно убрать! Хольм?

– Чего изволите, ваша милость?

– Ночные караулы удвоить. По меньшей мере на ближайшую седмицу. Докладывать обо всем подозрительном мне лично. В любое время. Ясно?

– Как не ясно... Исполним, ваша милость.

– Гвайнард, если нечто подобное повторится – я буду вынужден вновь тебя побеспокоить.

– Сколько угодно. Пока что мы сидим без работы.

* * *

Да, увы, Ночные Стражи в последние дни маялись бездельем. Странности связанные с появлением на стыке Кезанкийского и Грассальского хребтов портала, связывающего Хайборию и невообразимо древнюю эпоху Роты-Всадника, практически прекратились – Врата Времени начали закрываться, исходящая из них чужая магия почти перестала оказывать воздействие на жизнь райдорцев, следовательно нечисть и чудовища исчезли. Обычных монстров, на которых обязаны были охотиться Ночные Стражи в округе замечено не было – по крайней мере кметы и мелкие дворянчики не приезжали в Райдор, чтобы отыскать дом охотников и нажаловаться месьору Гвайнарду сотоварищи на очередную зубасто-клыкасто-когтистую чуду таскающую из хлева овец или взявшую привычку пить кровь у невинных девиц и младенцев.

Гвай и его друзья терпеть сидеть сиднем не могли, поскольку все как один были натурами деятельными. Особенно скучал Конан – можно, конечно, отоспаться день-другой, потом заглянуть в уже помянутое заведение госпожи Альдерры, засим сходить на реку искупаться, поиграть в кости в таверне «Золотой дракон»... Но скромные райдорские развлечения быстро приедались, а безделье киммерийцу было не по нутру.

И вот – настоящее дело.

– Высказывайтесь, – проговорил командир ватаги усаживаясь за обширный стол, стоявший в доме охотников в обширной комнате, служившей одновременно и арсеналом, и трапезной. – Как вам понравилось зрелище, явленное месьором Атрогом?

– Это отвратительно, – простонал Эйнар, который и впрямь был слаб на желудок, даром что не человек, а воплощенный Дух Природы, броллайхэн. – У меня до сих пор перед глазами стоит...

– Нас мало волнует, что у тебя стоит, а что лежит, – прикрикнул на Эйнара Гвайнард. – Итак, версий пока никаких. Чудовищ способных нанести подобные раны мы не знаем, хотя... Асгерд, принеси-ка гrimuar Беренгария Аквилонского, надо кое что проверить!

Нордхеймская воительница молча встала, сходила в свою комнату и притащила почти

неподъемный фолиант в переплете бежевой кожи с металлическими застежками. На обложке было вытеснено название: «Общее совокупное описание существ чудесных и таинственных, в землях Закатного материка обитающих, с пятьюстами рисованными миниатюрами». Мэтр Беренгари из Тарантии, известный ученый муж и преподаватель Обители Мудрости был славен тем, что посвятил жизнь собиранию сведений о многоразличных монстрах, как вполне живых, так и имеющих демоническое происхождение. Все, что ему было известно, мэтр записал в сию книгу, списки с которой находились у любого отряда Ночных Стражей, действовавших к Закату от Кезанкийских Гор. Надо сказать, что более подробного справочника по демонологии не существовало.

— Ну-с, давайте посмотрим, — Гвай открыл книгу посередине, там, где говорилось о живых тварях, имеющих скверную привычку охотиться на людей. — Гронгады... Нет, не то, мы уже выяснили, что наши болотные дружки здесь не при чем. Так. Липеры, арфаксаты, инкунабусы, баль-бериты... Как ни жаль, ничего не подходит, даже близко не похоже! Признаться, я в затруднении.

— Давай, как ты любишь говорить, подумаем логически, — вмешался Конан. — Эйнар, возьми стило и пергамент, будешь записывать! Итак, что мы знаем о предполагаемом чудище, выпотрошившем бедняжку Хильд?

— Действует ночью, — внес первую запись Эйнар.

— Не обязательно, — покачала головой Асгерд. — Пока это первое убийство, но могут последовать и другие. И, возможно, тварь убьет следующую жертву днем.

— Согласен, — кивнул Гвай. — Один случай — это вовсе не показатель. Далее. У монстра есть пять острых и длинных когтей, похожих на ножи. Вероятно, только на одной лапе — заметили, все удары наносились справа?

— А еще у него очень болезненное воображение, — дополнил киммериец. — Зачем было вытворять такое с трупом? Может, действительно замешана черная магия?

— Это мы выясним, когда поймаем убийцу, — отозвался Гвайнард. — Придется подключать Рэльгонна и его родственников-упырей. Пусть следующей ночью полетают над Райдором в облике летучих мышей — глядишь, заметят что-нибудь необычное...

Размышления охотников прервал громовой стук в дверь —казалось, по доскам молотили кулаками каменные големы. Ночные Стражи переглянулись, и Конан пошел открывать.

Каменного голема на пороге не обнаружилось. Зато на крыльце стоял взмыленный сотник Хольм, который и бил по двери рукой в латной перчатке. За спиной почтенного сотника белели унылые физиономии троих городских гвардейцев, напряженно сжимавших короткие пики с ржавыми наконечниками.

— Пошли с нами, — выдохнул Хольм, едва завидев киммерийца. — Второй труп! На этот раз — мужчина!

— Где? — скрупулезно уточнил Гвай, выглядывая из-за плеча Конана.

— В доме купца Эвервульфа, на Цветочной улице. Быстрее! Месьор Атрог за задержку нам головы поотрывает!

— Вам, может, и поотрывает. Как существам насквозь бесполезным, — огрызнулся Конан, снимая со стойки перевязь с клинком. — А Ночные Стражи его милости еще пригодятся. Идем... По дороге расскажешь, что случилось.

Случилось же вот что: достопочтеннейший торговец Эвервульф, человек в Райдоре известный своей зажиточностью, а заодно и невероятной скрупулезностью, нынче днем приехал из Пайрогии, куда возил товар — драгоценные меха пушного зверя. Поскольку купец был не

женат, его дом в отсутствие хозяина охранял приказчик, который, заодно, днем надзирал за лавкой месьора Эвервульфа. Броде бы приказчик приходился купчине каким-то дальним родственником. Господин торговец, явившись после полудня домой, обнаружил, что дверь заперта, а приказчик на стук не отзыается. Заподозрив неладное, испуганный торговец кинулся в кордегардию стражи – он был почти уверен, что злодей ограбил дом и скрылся. Городские гвардейцы не без труда вскрыли дверь, запертую изнутри на тяжеленный засов, проникли в дом, и обнаружили там... В общем, это надо видеть, месьоры охотники!

– Воображаю... – процедил Гвай. – Эйнар, хорошо что ты не пообедал! Иначе опять рубаху заблоешь!

– Да отцепись ты, – пискнул броллайхэн, заранее побледнев.

На Цветочной улице вновь собралась прежняя компания возглавляемая злым, будто голодный волк, Атрогом. Охранитель спокойствия не припоминал ни единого случая, когда в тихом-мирном Райдоре за день случались подряд два убийства, да еще настолько жутких, а потому во всем винил нерадивую стражу, собственную мягкость и герцога, совершенно распустившего своих гвардейцев, способных только пьянствовать да бегать за юбками. Словом, Атрог метал громы и молнии.

– Явились? – господин Охранитель уставился на охотников так, словно они были его кровными врагами. – Попрошу ознакомиться. Тело... Точнее, то, что от данного тела осталось, находится в спальне.

– Я останусь тут и поговорю с хозяином дома, – решительно заявил Эйнар и направился к трясущемуся от страха толстяку Эвервульфу, сидевшему на лавке у стены гостиной комнаты. – Итак, почтенный, расскажи, что ты знаешь...

Конан, Гвай и Асгерд отправились вслед за Атрогом.

– Митра Всеблагой! – присвистнул Гвайнард, непроизвольно морщась из-за ужасного запаха, стоявшего в небольшой спаленке, где обитал подручный купца. – Это даже интереснее, чем утренняя находка!

– Ты находишь это интересным? – ледяным тоном поинтересовался Атрог. – У меня по данному поводу совершенно противоположное мнение. Патарен, что скажешь?

– Его убили глубоко ночью, прямо в постели, – откомментировал низенький лекарь. – Это понятно потому, что свечи, которые могут гореть всю ночь, прогорели лишь на четверть, а их обычно зажигают вечером. Видимо, убийца, закончив свое дело, потушил огонь. В остальном все выглядит почти так же, как и в случае с распутной девицей. Выпотрошили, будто свинью на бойне. И весьма живописно украсили комнату.

– Да уж, живописнее не бывает, – процедил Конан, слготнув слону. – Зачем только кишки на стены вешать?

– Ничего поумнее нельзя было спросить? – бросил Гвай и подошел к телу убиенного, лежавшему на пропитанных кровью льняных простынях. – Так-так... Асгерд, посмотри! Теперь удары наносились и справа, и слева! Двумя руками!

Следы такие же, как и на теле Хильд – тонкие глубокие порезы. Голова отделена от туловища... Только зачем было класть ее на тарелку с зеленью?

– Кто тут говорил о глупых вопросах? – невинно поинтересовался киммериец. – Слушайте, у меня такое впечатление, что он был не один! С ним кто-то ночевал! В одной постели! Видите, вторая подушка тоже смята! А ну, зовите сюда хозяина!

– Не пойдет, – покачал головой Атрог. – Эвервульфа при виде этого кошмара едва удар не хватил, он человек полнокровный, впечатлительный.

— Ничего, потерпит, — бессердечно заявил Гвай. — У месьора купца в городе репутация изрядного скряги, а такие люди обычно замечают любой непорядок в собственном доме. Кстати, ничего не пропало?

— Пропало, — кивнул Охранитель короны. — Сундучок со сбережениями приказчика, это Эвервульф заметил в первую очередь. Эй, десятник! Привести сюда хозяина! Патарен, накрой чем-нибудь тело, а то выглядит слишком уж непотребно!

Стражники едва ли не насилино приволокли владельца дома. Эвервульф заикался, трясясь как в ознобе, но говорить мог достаточно связно. Попутно выяснилось, что убийца покинул дом через окно, выводящее на задний двор — Эйнар тоже не сидел сложа руки и обследовал апартаменты купца от подвала до конька крыши, отыскав открытые ставни и капельки крови на подоконнике.

— Есть, есть зацепочка! — воскликнул Атрог, получив это сообщение. — С заднего двора, как я понимаю, можно выйти только на Стремянный проезд? А первая жертва была обнаружена как раз в проулке возле Стремянного? Следовательно, безумный убийца — или кто он там? — направился отсюда к Полуночной части города и по дороге убил гулящую девку! Хольм, немедленно поезжай в тамошнюю кордегардию, вытряси из гвардейцев любые сведения о том, что необычного заметила стража ночью или под утро! Пусть расскажут все, до мелочей! Кого видели, какие повозки проезжали! Клянусь честью дворянина, к вечеру мы его поймаем!

Конану подумалось, что Атрог погорячился с обещаниями, но столь опытного цепного пса вряд ли могло подвести чутье.

Гвай тем временем расспрашивал купца. Эвервульф, сбиваясь с пятого на десятое, поведал, что его приказчик был человеком порядочным и тихим, бережливым и внимательным, из чужих людей общался только с собратьями по ремеслу.

— Один момент, — перебил Эверфульфа предводитель Ночных Стражей. — Ты, почтенный, говоришь, будто пропал сундучок убитого?

— Пропал, ваша милость, — всхлипнул толстяк. — Вот тут стоял, у кровати. Небольшой такой, с медными накладками. На крышке чеканка в виде маленького дракончика.

— Не знаешь, сколько денег там было?

— Как не знать ваша милость, у Барга от меня секретов не было, все-таки единственный племянник, сын покойной сестры моей... Говорил, скоплю пять тысяч шеллинов, собственно дело заведу, женюсь... Там до пяти тысяч монет триста не хватало, все в бритуйском серебре или немедийских ауреях.

— Четыре тысячи семьсот шеллинов? — Атрог понимающе выпятил нижнюю губу. — Изрядный куш. За такие деньги можно пойти и на убийство. Что еще необычного заметил в доме?

— В шкафу с посудой непорядок, — с готовностью ответил торговец. — У меня все в полнейшей аккуратности содержится, а тут — серебряные стаканчики для вина сдвинуты.

— Такие? — мигом отреагировал Гвай, взяв со стола невысокую чарочку из серебра с чернением.

— Именно, ваша милость...

— Хорошо, можешь идти, — сказал Атрог и повернулся к охотникам. — Что же это получается, а, месьоры? Картина начала проясняться. Этот самый Барг совершенно точно ночью находился в доме не один, возможно, с кем-то из знакомых. Искомый «кто-то» пил с ним вино и ужинал, причем не в комнатах для гостей, а в спальней. Засим племянник нашего

брюхана был убит самым зверским образом. Сундучок со сбережениями исчез. Заодно убийца попытался весьма небрежно замести следы – убрал из спальни лишнюю посуду, поставив ее в шкаф в трапезной. Не мог же он знать, что господин Эвервульф окажется столь внимательным хозяином! Вслед за этим наш «некто» вылез через окно на двор, перебрался через забор и отправился в сторону Полуночи по Стремянному проезду. По пути, наткнувшись на девицу Хильд, он прирезал и ее, повторив подвиг, совершенный в доме купца. Это все, что мы знаем.

– Но зачем было превращать трупы в эдакие произведения искусства? – вновь задал набивший оскомину вопрос лекарь Патарен. – В конце концов, все убийства с целью примитивного ограбления совершаются куда проще – нож в спину, топором по голове... Зачем?

– Сбить с толку дознавателей, – пожал плечами Конан, за последние годы успевший ознакомиться со многими представителями власти разных государств, расследовавших противозаконные действия не слишком добропорядочных киммерийцев. – Постойте-ка! Гвай, Атрог, сойдите с ковра! Эт-то что еще за чудеса?

Киммериец совершенно случайно заметил, что край потертого турецкого ковра, украшавшего спальню, был словно нарочно измазан углем, которого здесь просто быть не могло – лето стояло жаркое, камин в комнате не топили с весны и он был как следует вычищен. Конан отбросил ковер в сторону и взорам производивших дознание людей предстала весьма странная картина, изображенная углем на добела выскобленных досках пола.

– Магия, – уверенно сказал Патарен. – Точно, магия!

– Десятник! – взвыл Атрог. – Немедленно в замок! Взять за шиворот придворного алхимика и притащить сюда! Откажется – сковать по рукам и ногам и все равно притащить!

Охотники понимающие улыбнулись. Все обитатели Райдора, а особенно люди, приближенные к двору его светлости, отлично знали, что господин Охранитель короны и полусумасшедший герцогский алхимик ненавидели друг друга столь искренне, что если бы можно было направить энергию, которую они затрачивали на козни друг против друга в мирное русло, то за одну ночь в Райдоре, самое меныше, вздигаясь бы еще один замок короны или другое, не менее впечатляющее строение... Алхимик, месьор Аделард, являлся откровенным шарлатаном, но, как ни крути, разбирался в магии куда лучше всех присутствовавших в доме торговца мехами. И сейчас Атрогу и Ночным Стражам настоятельно требовался его совет.

... Некто, предположительно убийца, довольно небрежно изобразил на полу вписанную в круг пентаграмму, каковая является символом некромантии. По окружности были вырисованы непонятные магические символы, перемежаемые буквами самого распространенного на Закате аквилонского алфавита, которым пользовались и в Британии.

Конан сбежал за Эйнаром, владевшим магией Равновесия, как и полагается всем Духам Природы. Броллайхэн, стараясь не смотреть на стены и кровать, бросил краткий взгляд на рисунок, однако отказался что либо объяснять – нарочно магии Эйнар не учился, его умения были изначальными, врожденными. Потом позеленевший от мерзкой вони броллайхэн отбыл обратно, в гостиную комнату.

Спустя два квадранса королевские гвардейцы привезли месьора Аделарда – вздорного низенького старикашку со взглядом безумца и клочковатой седой бороденкой. На его прожженную во многих местах синюю мантию, увенчанную таинственными символами и

высокий колпак со звездочкой на верхушке смотреть без смеха было невозможно – никакой уважающий себя маг не таскает столь дурацкое облачение, предпочитая одеяния соответствующих магических конклавов или обычную одежду.

– Прокляну! – тоненько завизжал Аделард едва завидев господина Охранителя. Ночные стражи, не сговариваясь, поморщились: голос алхимика напоминал скрип давно проржавевших дверных петель. – До тысячного колена прокляну тебя и весь твой род! Проклятые головорезы оторвали меня от важнейшего опыта, результатов которого ожидает сам светлейший герцог! Да я...

Тут Аделард осекся, увидев то, что находилось в комнате. Вперед вышел Гвай, решив, что следует немедленно предотвратить назревающий скандал – Атрог уже набрал в легкие воздуха, чтобы дать шумливому алхимику достойную отповедь.

– Месьор Аделард, это я позвал тебя, – вежливо сказал Гвайнард, отлично зная, что алхимик кое-чем обязан Ночной Страже, блестяще разрешившей загадку «Короля крыс», виновником появления которого был как раз полуумный старикан, не столь давно недоглядевший за своей коллекцией артефактов и вызвавший к жизни странное существо, поселившееся в катакомбах под герцогским замком. – Мы опасаемся, что столкнулись с опаснейшей черной магией. Видимо, в этом доме был совершен чудовищный обряд поклонения Тьме с человеческим жертвоприношением... Нам необходим твой мудрый совет. Что это такое?

И Гвайнард эпическим жестом указал на изображенное углем непотребство.

Алхимик надулся, будто гусак – любил лесть и громкие слова. Аделарду всегда хотелось прослыть великим борцом с Тьмой, но пока никак не получалось, ибо всех порождений означенной Тьмы в Райдоре с успехом изводили охотники на монстров под водительством Гвайнарда.

– Давайте взглянем, – высокомерно проговорил алхимик и нагнулся над рисунком. Долго изучал, беззвучно шевелил губами, бормотал непонятные словеса – короче говоря, набивал себе цену. Наконец Аделард поднял взгляд на Гвая, показно игнорируя месьора Атрога, наблюдавшего за «придворным магом» с откровенной брезгливостью.

– Ничего не понимаю, – пожал плечами старики. – Бред, бессмыслица. Пентаграмма – это всем известный символ, используемый в темной магии. Символы означают все что угодно – знаки планет, звезд, обозначения государств Заката, принятые в тайнотписи, несколько аквилюнских букв не складывающиеся в слова... Данное изображение ровным счетом ничего не означает.

– Неужели? – озадачился Гвай. – Но как же так?..

– Человек рисовавший это, совершенно не разбирается в колдовстве, – уверенно сказал алхимик. – Неосмысленный набор символов, большинство из которых вообще не имеет отношения к магическому искусству. Если бы автору рисунка требовалось вызвать из Черной Бездны демона, совершив при этом кровавое приношение, то лучи звезды должны быть расположены по другому – вершина, на которой должен быть начертан знак «алеф» обязана смотреть на Полночь, а кроме того...

– Все понятно, – сквозь зубы процедил Атрог, перебивая. – Избавь нас от лекций по некромантии. Можешь быть свободен.

Алхимик метнул на господина Охранителя такой взгляд, что им можно было прожечь лист стали, пошевелил кустистыми бровями, раскланялся с Гвайнардом и отбыл домой, в свой провонявший серой и купоросом флигель, пристроенный к замку герцога.

— Похоже, нас действительно попытались сбить с толку, — заключил Атрог. — Убийца знал, что когда найдут тело, стража обязательно обратит внимание на рисунок под ковром и начнет подозревать какого-нибудь мага. Но поскольку в Райдоре маг всего один, и тот умалишенный, мы делаем вполне естественный вывод — колдовство тут не при чем. По счастью дознанием занялись не туповатые бездельники из здешней кордегардии, *а я и Ночные Стражи*, у которых мозгов тоже хватает с избытком. Что будем делать дальше, месьоры?

— Ищите женщину... — задумчиво сказал Конан, прервав затянувшуюся паузу. — Месьор Барг не был одет, надеюсь это вы заметили? Только исподнее, нижние штаны. Ночная рубаха снята. Вино, ужин в постели... Если он не страдал предосудительными пристрастиями, то вывод один — к Баргу приходила женщина. Или все-таки мужчина?

— У нас в Райдоре такой вид сожительства запрещен, — напомнил Атрог. — Здесь вам не распутная Стигия. Давайте осмотрим подушки. Есть! У месьора Барга волосы короткие и светлые, а вот на второй подушке...

Господин Охранитель спокойствия короны двумя пальцами поднял с окровавленной подушки длинный темный волос. Несомненно, женский.

— Конан, бросай ремесло охотника на чудовищ и иди на службу ко мне в управу, — усмехнулся Атрог. — Жалованием не обижу. Впрочем, это изначально было почти очевидно — в гостях у Барга была женщина.

Киммериец промолчал.

— Женщина... — с сомнением покачал головой Гвай. — Не верю я, что женщина способна на такое.

— А друг мой, любое человеческое существо способно на многое, очень многое, уж поверьте старику, — просипел месьор Патарен и обратился к Атрогу: — Ваша милость, мне кажется, что следует незамедлительно допросить всех знакомых Барга, не исключая и господина Эвервульфа. Может быть, убитый кому-то рассказывал о своей сердечной привязанности, возможно, соседи видели, как в дом приходит некая... э... прекрасная незнакомка?

— Незнакомка, у которой на руках есть когти-лезвия длиной в половину локтя? — вздернул бровь Атрог. — Отлично, так и поступим.

Разговор с купцом ничего не дал — Эвервульф заявил, что его племянник был человеком благочинным и посторонних девиц в дом не водил, а постоянной сердечной привязанности у него не было. Допрос, учиненный соседям купца, живших в близлежащих домах тоже не дал результатов — покойного Барга считали тихим и застенчивым человеком, которого никак нельзя было назвать волокитой. Одно время он «дружил» с дочерью лавочника Атаульфа с соседней улицы, но она два года назад вышла замуж за гуртовщика и теперь живет в Чарнине.

— Все это весьма странно, — недовольным тоном сказал Атрог, барабаня пальцами по столу. — Так или иначе я распоряжусь, чтобы стража проверила, действительно ли дочурка этого Атаульфа находилась в Чарнине минувшей ночью — придется в столицу провинции гонца послать. Вот интересно, а куда Хольм запропастился? Неужели так сложно было проверить кордегардию полуночных кварталов? Уже целых полтора колокола копается! Можно подумать, что у нас не провинциальный городок, который можно пройти пешком из конца в конец за два квадранса, а огромная столица великого королевства вроде Аквилонии!

Однако, сотник был легок на помине: пожилой служака с грохотом вломился в дом.

Глаза у Хольма были совершенно шальные.

— Что такое? — подался вперед Атрог, мигом почуяв неладное.

— Еще один труп, ваша милость, — единственным духом выпалил сотник. — То же самое... В веселом заведении госпожи Альдерры!

— Любопытно... Крайне любопытно! — пробормотал месьор Охранитель, в чьем взгляде появился азартный блеск. — Месьор Гвайнард, ты со своими друзьями не откажешься меня сопровождать? Кажется, мы взяли след, причем настолько отчетливый, что добыча окажется загнанной не позже заката солнца!

Сейчас Конан был склонен поверить словам Атрога. След и впрямь был четким!

* * *

Единственное дозволенное герцогской властью ночное увеселительное заведение, носившее легкомысленное название «Синяя розочка», располагалось в большом двухэтажном доме, окрашенном в нежный голубоватый цвет. Над входом, как и предписано законом, красовались два огромных китайских фонаря затянутые красным стеклом.

«Розочка», само собой разумеется, днем закрывалась — девочки должны были отдыхать от праведныхочных трудов, то же самое касалось поваров и прислуги.

Но сегодня размеренная жизнь владений госпожи Альдерры была грубейшим образом нарушена: в обширном и украшенном с пошлой роскошью холле толпились городские гвардейцы, причем значительная их часть с неприкрытым любопытством рассматривала обстановку и гобелены с выткаными рисунками весьма фривольного содержания — Райдор город с патриархальными нравами, большинство стражников являются людьми семейными, немолодыми, степенными и совершенно чуждыми подобным развлечениям. При одном упоминании о «Розочке» моментом получишь от благоверной женушки скалкой по голове!

Гремя подкованными сапогами месьор Атрог, за которым спешили Ночные Стражи и ликторы его милости, ворвался в заведение подобно вихрю. На месьора Охранителя было страшно смотреть — не человек, а воплощение карающей дланi правосудия. По его приказу были незамедлительно перекрыты все входы-выходы, поставлена Охрана возле окон и на лестницах.

Привели перепуганную хозяйку — пышнотелую госпожу средних лет с завитыми золотистыми волосами, коровыми ресницами и блеклыми сероватыми глазами. Атрог только губы поджал, осмотрев ее полупрозрачное воздушное одеяние резких радужных цветов, отороченное, вдобавок, бесценными офорскими кружевами.

— Девок по комнатам заперли, — отрапортовал Хольм. — На каждом этаже поставлено по три городских гвардейца, второй десяток — во дворе. Мышь не проскользнет!

— Хотелось бы верить, — хмуро буркнул Атрог. — Где тело, показывай.

— Так это... — сотник неожиданно смущился.

— Убиенная, извиняйте, в нужнике.

— Тогда пойдем в нужник, — бесстрастно сказал господин Охранитель. — Веди.

Весьма необходимая деревянная пристройка находилась во дворе дома, справа от конюшни и представляла собой довольно внушительное дощатое сооружение, разделенное на

четыре части: две «для дам», еще – две для посетителей «Розочки» противоположного пола. Обустройство нужника было вполне приличным. Никаких тебе вульгарных дырок в грязных досках, вовсе даже наоборот – над отверстиями поставлены медные начищенные вазы без днища, на крючках – полотенца и губки, тут же рукомойники наполненные водой. Неброская роскошь.

– Как в лучших домах Султанапура и Ианты, – фыркнул опытный в подобных делах киммериец. – Вот помню, заглядывал я в веселый дом «Врата Стаслаждений»...

– Оставь воспоминания при себе, – нахмурился Атрог. – Хольм, я что-то не вижу тела.

– В соседней будочке, ваша милость, – вздохнул сотник. – Извольте взглянуть.

Но и за соседней дверью трупа тоже не обнаружилось. Только стены, пол и потолок были залиты подсохшей кровью – ни дать, ни взять, маленькая скотобойня. Конан подумал о том, что в человеке наверняка не может помещаться столько крови – здесь, скорее, упитанного быка забили.

– Где? – сдвинул брови Атрог, косо взглянув на сотника.

– Внизу, – тяжко вздохнул Хольм. – В яме, ваша милость.

– Ну знаете... – тут даже невозмутимого Охранителя короны проняло. – Доставайте!

– Как – «доставайте»? – заикнулся Хольм.

– Руками. И, желательно, побыстрее. Гвайнард, нам пока следует допросить хозяйку, это ведь она первая сообщила об убийстве?

Вернулись в дом. Госпожа Альдерра затопила своей тушей кресло в главной зале и прикладывала к мокрым глазам пестрый шелковый платочек. На Атрога и возвышавшихся за его спиной охотников хозяика воззрилась с нескрываемым страхом, и было непонятно, боится ли она таинственного убийцы, или опасается, что после столь ужасного происшествия «Розочку» закроют, лишив саму владелицу заведения и ее развеселых девочек источника доходов.

– Так-так... – надменный Атрог скрестил руки на груди и сверху вниз посмотрел на залитую слезами хозяйку. – Госпожа Альдерра, она же Берта Лорн из Пайрогии. Одного не понимаю, почему все представительницы вашего древнего ремесла берут себе вымышленные имена? Впрочем, к дознанию это не относится. Итак, я... Мы хотели бы узнать, что здесь случилось. Во всех подробностях.

– Ох, ваша милость, – глубоко вздохнула госпожа. – В жизни ничего подобного не видела, кошмар-то какой! А наша репутация...

– Хватит! – рявкнул Охранитель. – Отвечать на вопросы! Кто первым обнаружил труп?

– Я, ваша милость! – по лицу Альдерры-Берты потекли крупные слезы. – Утром, когда заведение закрывается и посетители расходятся, я всегда сама обхожу дом и пристройки, поглядеть, нет ли где непорядка.

– Даже нужники? – вздернул бровь Гвай.

– Конечно. Нужно, чтобы там чисто было, и вообще... Вот с утра захожу, а там...

Хозяйка не выдержала и по-бабы зарыдала в голос. Лишь спустя квадранс от нее удалось добиться более или менее внятных объяснений. Со слов Альдерры выходило, что сразу после рассвета она обнаружила в будке на дворе кровавый потоп, причем кровь была свежая, еще алая. Гости дома свиданий к тому времени ушли, да и было-то их за ночь всего ничего – двое наемников, сопровождавших задержавшийся в Райдоре караван, молодой купец из этого же каравана и двое постоянных посетителей – стряпчий Гуго с улицы Кузнецов, да неженатый владелец шорной мастерской, живущий в Полуденном квартале.

Атрог взглянул на одного из своих ликторов, верзила понял приказ без слов, молчакивнул и исчез — управитель жаждал видеть названных персон самолично и незамедлительно.

— Наёмники были вооружены? — спросил Конан, — Я имею в виду, было ли при них какое-нибудь *необычное* оружие?

— Только кинжалы, — не раздумывая, ответила хозяйка. — Город у нас спокойный... был... Так зачем же людям по Райдору с мечами или арбалетами разгуливать? Теперь, видать, придется.

— Могу заверить, что Райдор так и останется спокойным городом, — хладнокровно парировал Атрог. — Никто из твоих девиц на ночь не уходил?

— Вроде бы нет, — на сей раз неуверенно ответила госпожа Альдерра. — Когда посетителей мало, я за свободными от работы девочками не слежу.

— Как еще можно выйти из заведения? Кроме парадного входа? Незаметно?

— Через калитку, со двора. Но она запирается на ночь.

— На замок, или на засов?

— Только на засов, изнутри ее можно открыть. Утром я проверила, калитка была заперта.

— Криков или чего-нибудь необычного никто не слышал?

— Н-нет.

— Какая-нибудь из девушек пропала прошлой ночью?

— Не знаю... Городские гвардейцы непускают меня в комнаты наверх, сказали, что ожидают распоряжения вашей милости.

Атрог выразительно посмотрел на охотников. Ночью была зарезана по меньшей мере одна из красоток «Розочки», а хозяйка ничего не знает! Хороша! Дура старая...

Тут в разговор влез Гвай, которому пришла в голову очередная дельная мысль:

— Госпожа, ответь, в доме есть библиотека? Книги?

— Совсем немного, девочкам книги не интересны, а уж гостям тем более. Они сюда не учёные трактаты изучать приходят!

— Мы хотим их осмотреть. Можно?

— Извольте.

Хозяйка проводила всю честную компанию в свои покои. Обычный будуар не слишком молодой, но все еще привлекательной дамы — пышная постель, множество занавесей, балдахин, безделушки на полочках, перед огромным серебряным зеркалом коробочки с пудрой, белилами, румянами и прочими необходимыми всякой женщине предметами вроде гребней, заколок для волос и драгоценностей.

На отдельной полке громоздилось восемь больших книг в разноцветных кожаных и деревянных переплетах. Именно они и интересовали Гвайнарда.

— Поглядим, что у нас тут есть, — бормотал командир Ночных Стражей. — Вендиjsкий трактат «О любви». Не то... «Жизнеописания величайших и знаменитейших куртизанок со времен Сигиберта Великого и по наши дни с миниатюрами и комментариями». Тоже отбрасываем. Так! А это что за книга?

— Один из гостей забыл, когда-то давно, — пожала плечами хозяйка. — Я и положила к себе — мало ли, вернется однажды и вспомнит о потере?

Гвайнард держал в руках не слишком большой, но увесистый том с нарисованным на чёрной обложке багровым глазом внутри треугольника. Название на первой странице гласило: «Все, что нужно знать обычному человеку о магии, колдовстве, демонах и

опасностях, кои они представляют».

Быстро пролистав книгу, Гвай продемонстрировал всем присутствующим картинку, очень похожую на ту, что была вырисована на полу в доме купца Эвервульфа. Такая же пентаграмма, только без лишних символов. На следующей странице, кстати, был приведен список много-различных значков, применяемых в магии с разъяснениями. Но самое интересное было в другом. На плотном пергаменте, под взятой в круг пятилучевой звездой, был ясно виден отпечаток женского ногтя, будто неизвестная читательница хотела запомнить именно этот символ и отметила его вполне обычным для женщин способом.

— Похвальная внимательность, — одобрил гвайнарда месьор Охранитель, развернулся на каблуке и устремил грозный взгляд на Альдерру:

— Кто из твоих распутниц мог читать эту книгу? Кому ты ее давала?

— Никому, ваша милость, — испугалась хозяйка «Розочки». — Хотя, мои комнаты всегда открыты, я девочкам доверяю, мы все живем как одна семья! Они могут взять у меня белила или украшения, но потом всегда возвращают! Что такого предосудительного в этой книжице? Трактат по черному колдовству?

— Месьор Атрог? — с порога комнаты донесся грустный голос сотника Хольма и тотчас по будуару Альдерры начал распространяться тонкий, но весьма недвусмысленный запах, забивавший густой аромат благовоний хозяйки. — Достали тело... Девица, из здешних.

— Иштар Добросердечная! — пискнула Альдерра, готовясь упасть в обморок.

— Идем! — воскликнул Атрог и первым выбежал на лестницу. Сердобольный Эйнар вел под руку задыхающуюся от подавляемых рыданий хозяйку.

Описывать извлеченные из недр выгребной ямы останки смысла не имеет — труп имел примерно такой же вид, как и первые два мертвеца. По счастью кто-то из десятников городской гвардии догадался вылить на тело и сложенные в кучку отдельные части оного десяток-другой ведер воды, чтобы хоть немного очистить от мерзостного субстрата, в коем они доселе пребывали. Несколько городских гвардейцев, втихомолку сквернословя, отмывались возле бочки с дождевой водой.

— Узнаешь? — безжалостный Атрог указал на тело и слегка подтолкнул владелицу «Розочки», которая находилась на грани истинно женской истерики, которую уже ничем не остановишь. — Имя?

— Ха... Ханна-а... из Нумалии... — взвыла госпожа Альдерра, царапая лицо ногтями. — Работала у нас пять ле-ет...

— Хольм, уведи хозяйку в дом. Пусть ей нальют вина, — сквозь зубы прощедил Атрог. — А заодно забери у нее ключи от всех дверей! Господа охотники, нам придется самым тщательным образом обыскать дом. Каждый уголок! Перетряхнуть личные вещи всех девиц и прислуги! Даже мышиные норы обшарить! Меня интересуют две вещи. Во-первых, орудие убийства, если таковое существует, во-вторых, похищенный у убитого Барга сундучок с деньгами. Начнем немедленно.

— Комнаты девиц пусть осматривают Асгерд и Эйнар, — предложил Гвай. — Асгерд — человек внимательный, кроме того, она все-таки женщина, ее будут меньше стесняться.

— Согласен, — кивнул Охранитель. — Госпожа Асгерд, возьмите с собой двоих городских гвардейцев, пусть стоят у дверей, пока вы будете обыскивать комнаты.

Осмотр начали с пристроек и конюшен — пусто, никаких следов. Затем Атрог, Конан и Гвай переместились в дом и предводитель охотников предложил устроить последовательный обыск «снизу вверх», сиречь сначала изучается подвал, затем первый этаж зданий, потом

второй, и в финале – чердак. Охранитель вновь согласился.

Сейчас «Розочка» более всего походила на осажденную крепость. По распоряжению Хольма дом взяли в плотное кольцо оцепления городские стражи, согнанные сюда почти со всего Райдора, постепенно на улице перед фасадом начала собираться толпа – по городу уже пошли слухи о кошмарных убийствах и обыватели, видя строгости, с которыми Охранялся веселый дом госпожи Альдерры немедленно сделали вывод, что убийца скрывается именно там. Среди праздных райдорцев, глазевших на «Розочку» уже начали раздаваться возгласы о том, что этот вертеп давно следовало сжечь, а через ограду даже перелетело несколько увесистых камней, один из которых попал в окно. Атрог, как человек жесткий, немедленно приказал конной страже разогнать толпу – никаких беспорядков в городе месьор Охранитель спокойствия короны терпеть не собирался!

Подвал оказался всего лишь обычнейшим подвалом. Здесь, как и полагается, хранились бочки с вином, продукты на леднике, старая мебель и всяких хлам, от картин в разбитых рамках, до грязных простыней, еще не отданных прачкам. Первый этаж дома осматривали почти до шестого полуденного колокола – комнаты для гостей, кухня, помещения для слуг – пусто!

А вот наверху Атрога и сопровождавших его Ночных Стражей ждал сюрприз. Для начала, к ним подошла Асгерд и сообщила, что они вместе с Эйнаром обшарили все девичьи комнаты и поговорили со всеми подчиненными госпоже Альдерре красотками – всего их было двадцать восемь, но после ночных событий осталось двадцать шесть. Само собой, все девицы клянутся именами Митры, Иштар и прочих богов, что минувшей ночью «Розочку» не покидали и об убийствах ничего не знают.

Комнаты убитых тоже осмотрены – ничего особенного.

– Мы только в одно помещение не могли попасть, – сказала Асгерд. – Комната в самом торце коридора, причем, как я понимаю, довольно большая. Заперта на ключ.

– Конан, ты ведь частенько бываешь в «Розочке»? – повернулся к киммерийцу Гвай. – Что там такое?

– Не имею ни малейшего понятия, – пожал плечами варвар. – Ни разу туда не заходил. Обычно я развлекаюсь внизу или... гм... вот тут, с прелестницей Дайрой. Она родом из Турана.

Киммериец указал на ближайшую дверь с нарисованным розовым сердечком.

– Согласен, очаровательная девушка, – кисло сказал Эйнар. – Только – дура дурой.

– При ее ремесле умной быть вовсе не обязательно, – огрызнулся Конан. – Пойдем глянем, что за пещеру дракона скрывает госпожа Альдерра.

Атрог долго подбирал надлежащий ключ, вернее ключи – дальняя дверь, оказывается, запиралась сразу на два хитроумных шемских замка. Наконец, варвару надоели неосмыслиенные действия Охранителя, он вежливо, но непреклонно отобрал у Атрога ключи и вспомнил азы искусства «ночных цирюльников», коим в славном городке Шадизаре много лет назад обучал невежественного киммерийского дикаря развеселый воришко Ши Шелам.

– Пра-ашу! – замки быстро сдались и Конан, явно рисуясь, толкнул створку двери. – Ого! Ничего себе!

– Крайне, крайне любопытно... – повторил свою любимую фразочку месьор Атрог, входя в мрачную комнату с наглухо затворенными ставнями. – Эй, десятник! Быстро сюда лампу или факел!

Доставили затянутый слюдой зажженный фонарь с зеркальцем, усиливавшим свет

фитиля. Атрог так и замер на пороге. Гвай замысловато присвистнул, Конан выругался покиммерийски, Эйнар охнул, Асгерд поджала губы.

Ни дать, ни взять – пыточная. Шикарно обставлена пыточная со всеми надлежащими инструментами, дыбой, и, почему-то широкой кроватью у стены. К спинке кровати у изголовья зачем-то приделаны металлические кольца с цепями наподобие кандалов. Стены увешаны экзотическим оружием и совершенно непонятными железяками, больше похожими на морских ежей. Как разительный контраст – белейшие шелковые простыни на постели и шикарный, очень дорогой иранистанский ковер на полу.

– Альдерру сюда, быстро... – очень нехорошим голосом проговорил Атрог. – Боюсь, теперь простым закрытием «Розочки» ожиревшая стерва не отделается. Самое меньшее – два года заключения в Пайрогийской тюрьме! Это я ей могу пообещать твердо!

Явилась владелица заведения, слегка отошедшая от первого потрясения. Но глаза у нее все равно были красными, а веки распухли. Атрог налетел на хозяйку, будто коршун на цыпленка:

– И как прикажете такое понимать? – тоном балаганного злодея из представления наподобие «Красавица и колдун» прошипел месьор Охранитель. – Что это значит? Его светлость Великий герцог Райдорский дозволил открыть в своем городе твой вертеп, но с соблюдением всех правил приличия. Если, конечно, я правильно помню эдикт светлейшего... А на память я обычно не жалуюсь! Жду развернутых объяснений!

– Ваша милость, так это... – Альдерра запнулась на полуслове, но собралась с силами и продолжила. – Понимаете ли... Некоторые посетители такое любят.

– Что – любят? – грозно рявкнул Атрог.

– Плети там, например, хотят чтобы их немного погладили хлыстиком, к постели приковали... Ничего необычного, ваша милость! Подобные кабинеты есть во всех домах свиданий в Аквилонии и Немедии, так я и подумала, что и нам не след отставать от цивилизованных государств!

– Под хвостом у Сета я видел такую цивилизацию! – сказал месьор Охранитель, постепенно остывая. – И что же, все эти клещи и зингарские сапоги используются?

– Де нет же! – в сердцах воскликнула Альдерра. – Я собрала в этой комнате инструменты и оружие только для создания, так сказать, антуража! Чтоб красивее было!

– Весьма странное понятие о красоте, – холодно заметил Гвай. – И что, твои красотки с радостью... кхм... работают здесь?

– Нет-нет, никакого членовредительства не допускается! – залебезила хозяйка. – Я берегу здоровье девочек, а если мы обидим гостя – будет еще хуже! И потом, посетители, которым требуются подобные услады появляются довольно редко. С ними проводят время только двое из моих девиц – Ханна и Юнь-Ши, кхитаянка, великая искусница, у них в Китае куртизанок учат многому...

– Ханна? Которая была найдена убитой в нужнике? – уточнил дотошный Атрог.

– Она самая, ваша милость, да будет вольготно ее душе на Серых равнинах...

Разговор сей, надобно заметить, происходил не в самой «пыточной», как немедленно окрестил мрачную комнату варвар, а на пороге. Альдерра, Гвай и Конан стояли в коридоре, Атрог под дверным проемом, сразу за его спиной – Асгерд с Эйнаром. Таким образом, видеть то, что происходило в темной комнате, освещенной лишь тусклым фитилем фонаря могла лишь хозяйка, да и той мешали Охранитель и двое охотников, загораживающие обзор.

Только внимательному Конану показалось, что за спиной Атрога мелькнула неясная

тень, но он тотчас списал свое видение на неровный свет лампы, дающий блики на стены.

Бурные события начались тогда, когда в «пыточной» послышался металлический звук, очень похожий на щелчок язычка замка.

— В чем дело?..

* * *

Атрог мгновенно развернулся и успел заметить, что одна из деревянных панелей, коими была покрыта стена комнаты слева закрылась, подобно двери — тогда же и прозвучал второй щелчок. Потайной ход?

— Отсюда есть выход в другие помещения? — Охранитель сгреб ладонью кружева на легкомысленном платье Альдерры и с ненавистью задышал ей в лицо. — Отвечать, тварь!

— К-конечно... — пискнула хозяйка. — Только в комнату Юнь-Ши, она соседняя! Прямой проход!

Конан в один прыжок преодолел расстояние, отделявшее его от следующей двери (она украшалась замысловатым иероглифом) и толкнул притвор плечом. Створка не поддавалась, было заперто изнутри.

— Именем герцога и закона — открыть! — оглушительно взревел Атрог, но ответом на его громоподобный возглас стал лишь приглушенный звук бьющегося стекла.

— В окно сиганула, — моментально понял Гвай и стремглав ринулся к лестнице ведущей вниз. За его спиной грохотали сапоги быстроногого киммерийца. Все остальные, не исключая владелицу «Розочки», побежали за ними.

Гвай с Конаном вылетели на высокое крыльцо дома, будто два камня, выпущенные умелым пращником. Со стороны фасада, от стен здания до ажурной ограды, располагался пышный цветник, стражу здесь не выставили — отчасти потому, что было жаль топтать такие красивые цветы, частично оттого, что на улице за оградой стояли в оцеплении хмурые городские гвардейцы.

В тот самый момент, когда киммериец и Гвайнард появились на крыльце, невысокая гибкая женщина уже перемахнула через изгородь и тотчас на улице раздались сначала изумленные, а потом и яростные крики. Громыхнули копыта лошади.

— Что здесь? — выдохнул Гвай, выскочив на широкий, мощеный камнем проезд и сразу увидел двух подчиненных сотника Хольма, валявшихся в лужах собственной крови — первого гвардейца мерзавка располосовала своим страшным оружием от шеи до пупка, второму почти снесла голову — она болталась только на кожном лоскуте.

— Демон, ей-ей демон! — орал десятник, отвечавший за оцепление. — Месьоры, она в какой-то миг убила копейщика, потом стянула конного гвардейца с лошади и башку отрубила! Лошадь забрала... У нее сплошные железные когти на руках, страшенные — жуть!

«Нет, демоны тут не при чем, — молнией пронеслось в голове киммерийца. — Это оружие, неизвестное нам, но все-таки оружие! Надо догонять, а то уйдет! Через открытые ворота городской крепости стерва проскочит беспрепятственно, а дальше — ищи ветра в поле!»

Конан молча рванул к коновязи, возле которой перетаптывался с ноги на ногу его

верный Гнедой – зверь, имевший полнейшее сходство с конем, однако, таковым совершенно не являвшийся. Эти чудовища водятся в мире Аурус, в который человек может проникнуть через Врата, находящиеся в дебрях Полуночной Бритунии. Сартак значительно умнее, выносливее и быстрее любого породистого коня, он может запоминать слова человеческого языка и произносить некоторые из них, а самое главное – является плотоядным хищником с пастью, полной острейших зубов, каким любой тигр позавидует. Кроме того, у сартаков великолепное чутье. А с виду и не скажешь: лошадь лошадью.

Варвар не запрыгнул, а буквально взлетел в седло и шлепнул Гнедого ладонью по шее. Никаких других команд можно было не отдавать – понятливый скаковой монстр мигом взял с места аллюр «в три креста» и, едва не сшибив собравшихся вокруг погибших товарищей городских стражников, стремглав бросился вслед за беглянкой.

Нельзя сказать, что Райдор – город запутанный, это вам не древняя Тарантия или величественный Бельверус. От возвышающейся над Райдором скалы, увенчанной трехбашенным замком Великого герцога, веером отходили три главных проезда, ведущие на Закат, Полуночный и Полуденный Закат соответственно. Прочие улицы лишь соединяли между собой главные «перспективы», ведущие к воротам крепости, окружавшей город.

Что-что, а два несущихся во весь опор всадника навели в благочинном Райдоре такую панику, что о ней вспоминали и десять лет спустя. Падали лотки уличных торговцев, лошади сбивали с ног прохожих, подкованные копыта высекали из камней мостовой синие искры... В значительном отдалении от первых двух конников громыхала основная погоня, возглавляемая Гвайнардом и Атрогом – еще полтора десятка всадников, включая конную гвардию.

Как Конан и предполагал, девица миновала городскую заставу без каких-либо трудностей – ворота были открыты, стража маялась игрой в кости и, вроде бы, даже не поняла, что за страшный ураган пронесся мимо караулки. Далее начинался тракт, ведущий на Чарнину, и далее к столице королевства.

Беглянка, однако, была не так проста. Поскольку сразу за стенами Райдора начинались густые полуночные леса, она повернула коня на близлежащий проселок, надеясь затеряться в чаще. Это и стало фатальной ошибкой. Лесная дорога через треть лиги выводила к реке с глуповатым названием «Быстротечная». Как и полагается, через поток был наведен деревянный мост, однако, провинция есть провинция – мост не подновлялся лет эдак десять и предназначался для телег кметов, а вовсе не для бешеной скачки.

Лошадь девицы из заведения госпожи Альдерры пробила копытом подгнившие доски и со всего размаху упала. Всадница вылетела из седла, но жизнь ей спасло то, что она упала в воду, у самого берега Быстротечной.

Киммериец остановил сартака и побежал вниз – видел, что непотребная девка выбирается из реки и хочет спрятаться в густейших ивовых зарослях. Конан успел перерезать ей дорогу.

– Милая, кажется, мы уже виделись? – пока варвар не спешил обнажать меч, хотя те шгуковины, что были надеты на руки кхитаянки, ему абсолютно не нравились. – Помнится, дней пять назад ты даже предлагала мне свои услуги, но я предпочел свою старую любовь – Наирру...

– Уйди по-хорошему, – с присущим подданным Поднебесной хладнокровием сказала Юнь-Ши. – Уйди, и останешься жив!

– Не понимаю, почему у такой хорошенъской девушки, столь кровожадные

наклонности, – улыбнулся Конан, стараясь потянуть время. Гвай и остальные должны были скоро подъехать, если, конечно, свернули на нужную дорогу. – Резать на кусочки девиц из собственного борделя, убивать любовников из-за жалких четырех тысяч шеллинов, угрожать Ночному Стражу, находящемуся при исполнении... Ай-ай, как скверно!

– Я предупредила, – бросила Юнь-Ши, прищурив и без того узкие глаза.

А дальше началось такое, что у Конана в глазах потемнело.

Он и прежде заметил, что на руки кхитаянки было надето нечто вроде весьма необычных латных перчаток, не сковывавших, однако, движения пальцев. Юнь-Ши вдруг быстро подогнула оба указательных пальца и из покрывавших предплечья наручей вдруг выскочили по пять острейших тонких лезвий, действовавших в точном соответствии с движениями пальцев. Вот вам и орудие убийства, получите, месьор Атрог, искомое!

Но более всего варвара поразило не это. У странного оружия был куда более странный блеск – металл походил на серебро, но таковым не являлся. А если учесть способность лезвий рассекать даже человеческие кости... Митрил это, вот что! Редчайший металл, ценившийся в десять раз дороже золота или платины! Его добывают только гномы Эйглофиата, клиники, изготовленные из митрила, можно пересчитать по пальцам! Теперь все понятно! Эти перчатки являются работой гномов Полуночи!

Как видно, Юнь-Ши обучали не только искусству любви. Старый приятель Конана, Мораддин из Турана, ставший теперь не более и не менее, как немедийским графом, лет десять назад пытался обучить варвара основам кхитайского боя без оружия, но тяжеловесный киммериец не слишком подходил для этой благородной науки – она куда легче давалась людям худощавым и невысоким, Конан же был изрядным здоровяком. Но всю опасность кхитайской борьбы варвар отлично осознавал, а уж если человек владеющий ее основными приемами еще и вооружен такими вот перчаточками с выкидными митриловыми лезвиями длиной с человеческое предплечье. Словом, Конану пришлось довольно туго. Его клинок оказался бессилен против металла, выкованного на Изначальном подгорном огне, а Юнь-Ши была куда проворнее варвара – от ее кульбитов так и рябило в глазах. Кхитаянка даже умудрилась рассечь кожаный колет варвара, но, по счастью, до тела не достала. Киммериец медленно отступал к реке, защищаясь только тем, что постоянно вращал меч перед собой, не подпуская опасного противника на расстояние смертельного удара.

Юнь-Ши, увлекшись поединком, который она не без оснований надеялась выиграть, не заметила как сзади к ней неслышно подобрался высокий конь гнедой масти под мягким гирканским седлом. Сартак и тут не упустил случая доказать то, что монстры его породы обладают зчатками разума. Зверь остановился прямиком за спиной девушки, а заметивший маневры Гнедого варвар неожиданно отпрыгнул в сторону и опустил меч, на несколько мгновений приведя Юнь-Ши в замешательство.

– Привет! – раздался над головой кхитаянки незнакомый и явно не-человеческий голос. Она обернулась. Перед ней стоял... стояло... Вроде бы оно было лошадью, но из-под поднятой верхней губы выглядывали белоснежные клычищи длиной с человеческий палец. – Покатаемся?

Произнеся эти два слова сартак встал на дыбы и мгновенным движением ударили Юнь-Ши копытом правой передней ноги точно в темя. Кхитаянка рухнула на прибрежный песок, как подкошенная.

– Ф-фу... – выдохнул Конан. – Спасибо, дружище. Иначе она бы меня уделала. И не смотри на меня так! Я знаю, что тебе хочется мяса, но сожрать человека я тебе не дам! Ее

надо отвезти в Райдор, а там уж пускай Атрог и герцогский суд разбираются. Давай глянем, что за чудо надето на ее руки, никогда ничего похожего не встречал! И потом, а где же наши друзья-товарищи?

Тут варвар услышал приближающийся грохот многих копыт и из-за поворота дороги появились всадники...

* * *

Несколько дней спустя

— Столь уникальный случай надо непременно занести в анналы управы дознания, — лениво говорил месьор Атрог, восседая в «гостевом» кресле, стоявшем у стола в трапезной дома «Ночной Стражи». — Вроде бы изначально это могло выглядеть лишь простым ограблением, но как исполнено! Не ждал от женщины столь ужасных зверств!

— Рассказывайте, ваша милость, — Гвай подлил в бокал Атрога ежевичной настойки и, подперев подбородок кулаками, уставился на господина Охранителя. Все прочие охотники тоже расположились за обширным столом и готовились внимать.

— А чего рассказывать? — вздернул плечи Атрог. — Все просто, как кружка с пивом. Начнем с того, что Барг боялся гнева своего дядюшки, приверженного древнему благочинию, и наведываться в «Розочку» не решался даже тогда, когда Эвервульф бывал в отъезде по торговым делам. Вдруг его заметят и по городу пойдут слухи, которые обязательно достигнут ушей старого купца? Предпочитал звать девиц оттуда домой, на ночь. Разумеется, только в отсутствие дяди. После того, как мы в управе... э... слегка надавили на Юнь-Ши, она призналась, что очень нравилась Баргу. Этот болван раскрыл девице тайну своего «золотого сундучка». За что и поплатился — кхитаянка давно мечтала бросить свое ремесло и уехать на родину. Признаться, судьба у нее сложилась скверно. В двенадцать лет отец Юнь-Ши продал дочь в наложницы правителю провинции, во время какой-то войны она стала обозной шлюхой у наемников, разграбивших поместье правителя, потом сменила несколько веселительных домов, пока причуды богини по имени Случайность не загнали ее в Британию... Наверное, это и послужило причиной такого огрубления ее души, не всякий выдержит подобное. План преступления созрел довольно быстро. Убить владельца сундучка, выставить все происшедшее, как магический обряд, проведенный каким-нибудь некромантом, а когда суматоха уляжется — незаметно покинуть город.

— Но откуда у нее появилось такое уникальное оружие, как перчатки гномов? — поинтересовался Конан.

— Тут следует благодарить госпожу Альдерру, — спокойно проговорил Охранитель. — Когда хозяйка «Розочки» начала оборудовать свою «пыточную», ей встретился совершенно спившийся наемник, распродававший за сущие гроши свое снаряжение. Понятно, что они оба не имели ни малейшего представления о том, насколько ценная вещь находилась в их руках — ювелир герцога оценил перчатки в пятьдесят тысяч золотых немедийских ауреев. Митрил, все-таки, а не вульгарное железо! Вот Альдерра и украсила сим артефактом кабинет для жестоких утех... А Юнь-Ши, которая трудилась там на поприще доставления болезненных ощущений слишком требовательным посетителям, быстро поняла, что никто и не поймет,

каким именно оружием был убит Барг. Той ночью она взяла перчатки с собой, зарезала Барга, нарисовала виденную в книге пентаграмму – причем совершенно безграмотно, прихватила деньги и отправилась в «Розочку».

– Тогда откуда взялся труп Ханны? – спросил Гвай. – Удивительное дело: две девицы, которые вместе обслуживали гостей «Розочки» в пыточном кабинете встречаются под утро посреди города!

– Эта самая Ханна тоже бывала у погибшего приказчика, – пояснил Атрог. – Как я понимаю, он являлся большим любителем кнута и кандалов. В тихом омуте, как говорится... Подозреваю, он говорил ей то же, что говорит всякий мужчина, всякой шлюхе – что женится, озолотит. Она верила. А когда заподозрила, что Барк пользуется не только ее услугами, но и приглашает к себе Юнь-Ши, проследила за конкуренткой, поймала ее на улице и устроила сцену. Кхитаянка, уяснив, что Ханна после получения известия о смерти Барга может ее выдать, повторила свой подвиг – убила девицу в темном проулке и снова попыталась изобразить «магический обряд».

– Но почему тогда никто ничего не слышал?

– А как вы думаете, месьоры, что подумают горожане, услышав среди ночи громкоголосую свару двух гулящих девиц? Юнь-Ши сообщила, что они ругались шепотом, да и первый удар перчаткой был нанесен в утробу, подавив крик. Месьор Патарен оказался безупречно прав.

– Ну, а третья жертва? – спросил Конан.

– Девушка всего лишь оказалась в плохое время и в плохом месте. Вышла в нужник как раз тогда, когда Юнь-Ши отмывалась там от крови. Увидела. И погибла. Поскольку рассветало, то заметать следы не было времени – труп был быстро расчленен и выброшен в выгребную яму Юнь-Ши уже тогда догадалась, что ее могут быстро найти – след слишком уж очевиден. Сундучок с деньгами она спрятала в тайнике «пыточной», а когда дом наводнила стража и пришли мы, в панике стала действовать необдуманно. Хотя, замечу, у нас тогда не было никаких улик, доказывающих ее виновность. Кхитаянка решила незаметно взять столь понравившееся ей оружие, а затем бежать. Последствия мне и вам известны.

Кстати... Конан, его светлость Великий герцог просил передать как тебе лично, так и всем доблестным Ночным Стражам искреннюю благодарность за помощь в дознании и захвате преступницы. А это – материальное воплощение слов нашего повелителя!

Атрог снял с пояса и выложил на стол увесистый кожаный кошелек.

– Пойду на мясной рынок, куплю Гнедому отборной барабанины, – усмехнулся варвар. – На этот раз все получилось наоборот: не мы охотились на монстров, а мой собственный монстр поохотился на человека. Хорошо, хоть не убил на месте! Кстати, а что будет с Юнь-Ши?

– Герцог имеет право суда в своих ленных землях, – ответил господин Охранитель короны. – И минувшим вечером своим рескриптом приговорил кхитаянку к повешению за тройное убийство. Церемония завтра – если хотите, можете присутствовать. Между прочим, это будет первая смертная казнь в Райдоре за последние двенадцать лет, а это кое о чем говорит... У нас спокойный город!

– Постойте-ка! – вдруг обеспокоился Конан. – «Розочку» закроют?

Месьор Атрог откровенно фыркнул.

– Герцог посчитал нецелесообразным закрывать сие увеселительное заведение, хоть я и настаивал. Госпоже Альдерре запрещено лишь содержать в доме всякие непотребства

наподобие виденной нами «пыточной». Все оружие и инструменты оттуда мы отобрали в пользу казны. Но так или иначе я далеко не в восторге от наличия в Райдоре подобного вертепа. Месьоры, вы же отлично понимаете, что это претит патриархальным нравам нашей отдаленной и мирной провинции!

– Хвала Иштар, уберегла от погибели! – облегченно вздохнул киммериец. – Надо будет вечерком навестить милашку Дайру...